

Константин Аксаков

О Карамзине

Константин Аксаков

О Карамзине

«Public Domain»

1848

Аксаков К. С.

О Карамзине / К. С. Аксаков — «Public Domain», 1848

ISBN 978-5-457-13435-5

«Если б я хотел говорить вам речь, как обыкновенно говорят у нас речи, я бы сказал, что „благородное Симбирское дворянство воздвигнуло здесь недавно знаменитый памятник одному из величайших народных русских писателей, что этим подвигом доказало оно свою ревность ко благу и пользе отечества“...»

ISBN 978-5-457-13435-5

© Аксаков К. С., 1848

© Public Domain, 1848

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Константин Сергеевич Аксаков О Карамзине

Речь, написанная для произнесения

пред симбирским дворянством

Если б я хотел говорить вам речь, как обыкновенно говорят у нас речи, я бы сказал, что «благородное Симбирское дворянство воздвигнуло здесь недавно знаменитый памятник одному из величайших народных русских писателей, что этим подвигом доказало оно свою ревность ко благу и пользе отечества». – Но я не скажу вам ничего этого. – Имея право общественного слова, я не стану вновь обманывать вас и себя заранее принятыми условными фразами, становить дело на ходули, окружать его натянутым риторическим светом, чем, увы, и так долго мы довольствовались. – Неужели не надоели нам эти фразы? Пора наконец оставить нам ходули. Приходит наконец пора посмотреть делу прямо и строго в лицо, не убаюкивая себя принятыми выражениями, приходит пора возвратить слову всю его правду и откинуть великолепную и всегда вредную ложь. Что нужды, если многие громкие, бесполезные фразы от этого навсегда умолкнут? Тем лучше еще. – Вследствие ли ленивого невнимания, вследствие ли чуждого направления они повторялись слишком долго и постоянно мешали свежему и бодрому взгляду. – Так или иначе, но я здесь с тем, чтобы сказать вам прямо мою мысль. – Я не скажу вам, что Карамзин был народный русский писатель – он не был им; он, как и все наше общество с Петра, далеко стоит от народа, и народ не знает его. Его торжество не есть торжество народное. Карамзин, со всеми его великими заслугами, – писатель и деятель публики, а не народа. Я не скажу вам – как это было сказано в одной речи, – что даже и крестьяне приносили добровольные пожертвования на поставленный здесь памятник Карамзину. Мы слышим часто про такие добровольные пожертвования и знаем их. Но если и были они, то и мне, и вам хорошо известно, что сознательным пожертвованием это быть не могло, что крестьянин не знает Карамзина, что Карамзин не перешел в народное ведение, а сведение о нем, как и о других писателях, и то являющееся исключением, ничего не доказывает. А мы непременно тянем к себе и к своим торжествам, для эффекта, народ и навязываем ему писателей, о которых он не знает. Несмотря на Гений и великие достоинства, Карамзин не может иметь чести, выше всех честей, чести принадлежать народу в настоящем смысле, не может назваться писателем народным. – Я не обращаюсь к вам как к «Симбирскому благородному дворянству»; я обращусь к вам просто как к русским людям или хотящим быть русскими людьми – ибо кто из нас возьмет смелость назвать себя русским человеком? – Почтим это право пока за одним простым народом, за крестьянином. – Я обращаюсь к вам как к братьям, у которых у всех одна забота и одна задача жизни, у которых у всех цель и любовь нашей жизни – наша Русь.

Но в чем же значение и достоинство Карамзина и всей нашей литературы, какой же смысл ее при оторванности от народа? – Об этом-то и будет наша речь.

Знаменитое, каждым из нас чувствуемое явление и дело Петра в нашей истории поставило всю землю в особые отношения; Петр явился с блеском нововведений, с блеском полной эгоистической свободы жизни для частного человека, вообще с блеском Западного европеизма. Вы знаете, что его преобразование не было мирное учение новой мысли. С топором в руках увещевал он своих подданных следовать за ним. – Боюсь вдаваться в искусственные изыскания, которые заведут далеко и отвлекут нас от предмета, в исследования о мере правды и лжи Петровского переворота; но я думаю, что со мною согласятся по крайней мере

в том, что в перевороте Петра если была истина, то была и неправда, и ложь. Эта ложь состояла в страшной односторонности, в излишнем развитии государственности и вместе с тем в полном неуважении к Русской земле, в воззрении на нее как на материал для своих планов, в подражательности и, конечно, в насилии. Петр Русской земли не понимал; он понимал только русские способности. На народ смотрел он как на безгласную массу и всю Россию хотел обратить в тесто, из которого мог бы вылепить немецкие фигуры. – Всю Россию хотел он обратить в машину, в государство, не признавая – от начала до него и доселе существующей – Русской земли. – Дело его удалось, но не совсем и, смеем думать, не навсегда. Вся эгоистическая сторона России, все люди служилые, холопы государевы¹ – все это вняло гласу Петра и перешло к нему. Остался безоружный крестьянин и удалился с поприща; если он не действовал нападатально, то он стал оборонительно за свой образ и быт. Петр отметил намерение брить крестьянам бороды и одевать по-немецки. Много и из других чинов стало против Петра. Мы доселе слышим невежественные обвинения наших предков за то, что они стали за свои бороды. – Легкомысленные суждения внуков, не знающих ни своей истории, ни жизни своей земли! – Наши предки стали не за одни бороды, они стали против прихоти человека, которую он хотел сделать законом. Замечательно, что брадобритие встречалось в России и прежде, что немецкие платья иногда надевались, и народного негодования не слышать, кроме протестации духовенства. – Почему? Понятное дело. Признавалось право за всяким одеваться как ему угодно. Но когда немецкое платье и бритье явились как принудительная прихоть, когда это стало символом не-русского человека, когда это сделалось насилием, тогда борьба за бороду получила полный и глубокий смысл, между прочим, смысл борьбы за свободу. Все, что стало против Петра из государственного порядка или наряда, то уступило совершеннейшему его развитию, дальнейшему ходу государства (что и понятно). – Много голов пало. Много бояр, дворян и служилых людей не хотели уступить прихоти одного человека и жизнь свою заплатили за сохраненное право. Стрельцы, старое войско войною пошло на новый порядок вещей – и пало. Когда спрашивали их о причине восстания, они говорили (как свидетельствует Голиков)², что «государь начал веровать в немцев». – Все, что из государственного порядка (сказали мы) восстало против Петра, – было побеждено; осталась мирная, земская община, крестьяне – и не была побеждена. Крестьянин, сохраняя характер борьбы безоружной, удалился, унося с собою Русской образ и Русскую жизнь неприкосновенными, унося с собою понятие о сходке, о мире как о драгоценном залоге от первых времен на все времена Русской жизни. – Между тем Петровская сторона всем овладела: и богатством, и почестями, и силою. Петр призывал русских на свою сторону, давая простор эгоистическим стремлениям человека, и в жертву от них требовал отречься от народности или от народа. Но эта жертва была и награда в то же время, ибо народ налагает свои великие права и священную тяжесть союза, и непременно требует в жертву вашего эгоизма. – Россия разделилась надвое: с одной стороны, земля и народ, хранящий в себе земскую Русскую жизнь, с другой стороны, общество без народа, общество, отрекшееся от своей народности, от человеческого, стало быть, значения и чести и за то усиливающееся приобрести другую честь, честь обезьяны. Другими словами, Россия разделилась на народ и публику. Публика есть аристократическое понимание народа или, лучше, аристократическое понимание, внесенное в самый народ: где есть публика, там голос народа не свободен. – У нас и народ, и публика имеют эпитеты: народ у нас православный, а публика – почтен-

¹ Россия, не разделяясь на неподвижные сословия, разделялась на два разряда: на людей служилых, государевых, и людей земских. К первым принадлежали все бояре, дворяне, вообще все чиновники от казны, другими словами, все, что было от государства. Ко вторым – весь народ, все крестьяне, купцы и чиновники, выборные от народа. Только люди служилые назывались холопами (крестьяне и под.) – никогда.

² Имеется в виду труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (Т. 1-12. М., 1788–1789; Дополнения. Т. 1–18. М., 1790–1797).

нейшая. – Публика (начавшая существовать с Петра Великого) переняла между прочим и литературу. И на таком-то ложном основании, на отречении от своего народа, на обезьянстве Западу, воздвиглась наша литература. Вмиг явился весь Олимп у нас; Феб с девятью музами предложил свои услуги; поэты сейчас напились ипокрены и загревели по лирам. Литература наша, конечно, толковала и о России, но о России другой. Русские люди для нее не существовали: речь идет только о Россах; и этого бедного Росса, без всякого, конечно, сочувствия, которое и невозможно, хвалят до невероятности, и все герои Греции и Рима (обыкновенно они за все отвечают) дрянь перед Россом; надутые фразы так и летят с пера... Каково же было Русской душе в этой отвлеченной сфере нашей литературы?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.